

«Бог точно есть!»

Случилось это давно, во время Великой Отечественной Войны. Немцы заняли железнодорожную станцию, но в рядом стоящую деревню не заходили. Они, конечно же, ее контролировали, но большей частью все силы находились на станции для ее охраны. Ванька уже в свои 14 лет работал с партизанами и занимался тем, что закладывал взрывчатку под составы немецких поездов. Он частенько наведывался на станцию и немцы, даже не подозревали, что этот пацан и есть подрывник, которого они так долго ищут. Ванька помогал разгружать вагоны, и за это ему давали хлебные галеты.

И вот однажды, после очередного задания Ванька возвращался в деревню и случайно набрел на полуразрушенную церковь. Копаясь в обломках, он случайно нашел, как он подумал, красивую картинку в золотистой рамке. С нее на него смотрел пожилой человек преклонного возраста с ясными глазами и строгим взглядом. "Красиво!" - подумал Ванька и, смахнув с нее пыль, засунул ее за пазуху. Не найдя больше ничего подходящего, он направился на выход и тут же увидел немецкий патруль. Ванька вообще-то всегда спокойно реагировал на появление патруля, но в этот момент он почему-то напугался и, сам того не понимая, бросился бежать. Два немецких солдата бросились за ним, крича ему вослед: - *Sofort bleibe stehen!*, что означало, немедленно остановись! Но Ванька неслась во весь дух к лесу, не оглядываясь назад. И вдруг перед самой границей леса появился Потап. Он был деревенский мужик, да к тому же молчун, а тут Ванька увидел его в форме полицая.

- А ну стой, гаденыш! - крикнул Потап и вскинул винтовку.

- Дядя Потап, это же я Ванька! - крикнул тот в ответ.

- Так это ты подкладываешь взрывчатку под поезда? - не опуская оружия, спросил Потап.

- Так ты и есть предатель, дядя Потап? Про тебя говорили партизаны? - с удивлением и досадой в голосе крикнул Ванька.

Потап нажал на курок и грянул выстрел. Пуля ударила в грудь. Удар был такой силы, что Ванька отлетел метра на три назад и плашмя рухнул на землю. Тут же подбежали солдаты. Один из них подошел к навзничь лежавшему телу и толкнул его ногой. Тот не шевелился, а изо рта текла кровь. Солдат наклонился и выдернул из Ванькиной руки два куска бикфордова шнура и показал их второму. Второй покачал головой и махнул рукой Потапу, чтобы тот подошел.

- *Gut schießt Du!* Гуд стреляешь, - похвалил немецкий солдат Потапа, - получишь дополнительную банку тушенки! Очень карашо!

Они убрали оружие и отправились обратно на станцию для доклада о том, что подрывник уничтожен.

Очнулся Ванька оттого, что его лицо облизывал пес, которого он приютил к себе, найдя его на улице полуголодного и больного. Ванька открыл глаза и посмотрел на пса. Тот слегка поскуливал и крутил хвостом от радости за своего хозяина. Ванька попытался встать, но резкая боль в груди заставила его вскрикнуть, и он снова лег на спину. Собрав силы, он повернулся на бок и с трудом преодолевая боль, ему удалось сесть. "Как же так?" - подумал Ванька - "я не умер!"

Он сунул руку за пазуху и вытащил икону. Глядя на нее, он не мог поверить в то, что видел! Святой Николай Чудотворец держал пулю в руке, которую поднял в благословляющем жесте. Ванька еще раз осмотрел икону. Но она была написана на деревянной доске, которой был уже не один десяток лет. Только сейчас Ванька понял то, что случилось. Он, как и все советские дети не умел молиться, да и не знал, как это делается. Он только помнил, как это делала его бабушка украдкой. Он добрал до леса, прислонил икону к дереву и, склонившись до земли, не обращая внимания на боль в груди, обливаясь слезами, причитал: "Спасибо тебе, дедушка! Спасибо, что спас меня!"

Наконец успокоившись, он лег на траву и, глядя широко раскрытыми глазами на небо, по которому плыли белые облака, подумал: "Бог точно есть! Бабушка все время говорила об этом, а я не верил. А сейчас он спас меня".

Ванька поднялся, засунул икону за пазуху и тут же поймал себя на мысли, что боли в груди не было. Он потрогал себя и действительно - грудь уже не болела. "Чудеса!" - подумал Ванька и пошел в лес к партизанам.

Всю войну Ванька прошел, не оставляя икону нигде ни на минуту. За всю войну он не получил даже царапины, хоть и участвовал порой в самых ожесточенных сражениях и переделках. Сейчас икона стоит у Ивана Дмитриевича в красном углу, и Николай Чудотворец так и держит пулю, выпущенной предательской рукой Потапа. Многие эксперты смотрели на это чудо, но никто никакого объяснения этому так и не смог дать.

Никола

Случилось так, что мне с Тихого океана, где я служил на крейсере, через всю матушку-Россию пришлось перебираться на Черное море по приглашению моего товарища. Но, приехав в Одессу, я с огорчением узнал, что друг ушел в плавание за границу. Винить его в этом было нельзя — он не зависел от собственных решений.

Но я сам виноват в том, как распорядился своим временем и своими деньгами. Молодость и бесшабашность — плохие советчики, и я вскоре остался без средств к существованию, растратив свои флотские деньги. И решил я поехать в Донбасс на заработки (в то время в Одессе шла бойкая вербовка на шахты).

Так, совершенно не планируя этого раньше, я оказался в Донбассе на одной из старых малопроизводительных шахт. Порой я уставал так, что, приходя в общежитие, валялся на койку замертво, прямо в одежде. Новые друзья старались не шуметь, пока я спал. Скоро я втянулся в работу, мозоли на огрубевших руках приходилось срезать ножом, но мне нравилось, что я не пал духом и не сбежал, как некоторые.

И все бы хорошо, но случилась беда. В тот день мне так не хотелось спускаться в клетки в шахту! Душа словно чуяла беду. Когда мы шли по штреку к забою, вдруг сверху — треск, грохот, удар в левое плечо и руку, дикая боль в ноге, и в завершение — удар в голову и полет в никуда. Темнота.

Очнулся я, засыпанный породой и грязью. Трудно было дышать. Обвал. Как нас учили, я начал понемногу шевелиться, искать свободное пространство вокруг себя. Левая рука была неподвижной, пошевелил пальцами правой — ра-ботают! И стал я по камешку освобождать себя от плена земли, часто теряя сознание от боли.

Но я не хотел умирать заживо погребенным и верил, что завален частично. И моя отчаянная борьба завершилась победой — я освободился из-под завала. Вокруг была кромешная тьма. И тишина. Я крикнул, позвав своих товарищей, но мне никто не ответил. Ощупав себя, я обнаружил на левой руке несколько ран, из них сочилась кровь. Нога нестерпимо болела, но крови не было, я решил, что здесь закрытый перелом. Разорвав тельняшку, я кое-как перевязал руку. Снова стал кричать, но только эхо подземного царства насмешливо отвечало мне.

Я забылся тяжелым сном, но вдруг отчетливо услышал хохот и визг. Я пополз по штреку, волоча больную ногу. Шум и лай то усиливались, то отдалялись. Я отдыхал, стараясь найти хоть немного капающей сверху воды. И вдруг совсем рядом услышал ехидное хихиканье, громкое хрюканье и задорное улюлюканье. И я перекрестился! Это я-то, флотский комсомолец!

Но чудо — мерзкие звуки прекратились! И я пополз в противоположную сторону. Но куда? На этой старой шахте много выработок. Значит, мне долго придется блуждать по ним и, возможно, навечно остаться в этом подземелье. Я забылся в тяжелом сне. Мне снилось детство и моя мама, стоящая в левом крыле Покровского собора перед иконой святителя Николая. Она дала мне свечку и прошептала: «Это твой небесный покровитель Никола-Чудотворец. Поставь ему свечку. Если будешь молиться к нему, он всегда придет на помощь, спасет от любой беды. Всегда помни это. Всегда».

Я перекрестился и прошептал: «Никола-Чудотворец, спаси меня!» — и проснулся. Проснулся внезапно, словно кто-то коснулся меня. Спокойный мужской голос произнес: «Встань, юноша, и иди за мной». Я подумал о сломанной ноге, но тот же голос твердо настаивал: «Следуй за мной!» И я встал! Но все-таки боясь наступить на больную ногу, я пошел держась за мокрую стену штрека.

Голоса я больше не слышал, но словно видел во мраке того, кто притягивал меня, как магнит. Время от времени я останавливался, чтобы отдохнуть, и тот, впереди меня, тоже останавливался и ждал. На очередной остановке блеснул свет, и я узнал его! Это был Никола с иконы Барнаульского Покровского собора!

«Ну вот и все,— сказал он,— скоро к тебе придут вон оттуда». Я посмотрел в направлении, куда он указывал, а когда обернулся, возле меня уже никого не было. Я опять впал в бессознательное состояние, из которого меня вывели спасатели, решившие проверить старые штольни. На все вопросы о моем спасении я отвечал только: «Никола, Никола». С этого времени меня прозвали Никола-сибиряк.

Девять дней выбирался я после обвала, блуждая по штольням, а погибло тогда одиннадцать человек. После выписки из больницы друзья с почестями проводили меня на родину — родной, цветущий Алтай. Встречала меня со счастливыми слезами моя поседевшая мама. После моего подробного рассказа мама поведала мне: «В тот день, когда ты попал в беду, я пошла в огород полить грядки. Все было хорошо, я была вполне здорова, но вдруг в глазах потемнело, мне было так плохо, что я с трудом добралась до дома. Я выпила корвалол, прилегла на постель и задремала. Мне приснился ты, окутанный черным облаком, в котором временами вспыхивала молния. Я была очень больна, и еще этот сон. Он снился мне несколько дней. Только теперь я понимаю, что черное облако — это мрак шахты, а свет — святитель Николай, твой спаситель, слава ему и Господу Иисусу Христу, без воли Которого ни один волос не упадет с головы человека!

На другой день мы поехали в Покровский собор помолиться о моем чудесном спасении, поблагодарить Господа и Николу-Чудотворца.

Николай Блинов, г. Новоалтайск, «Лампада»